Цѣна 60 к. 1918. На ст. ж. д. 70 к.

245—161

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ИСКРЫ“

СОЦІАЛИЗАЦІЯ ЖЕНЩИНЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

Декреты и проэкты соціализаціи женщинъ. — Соціализмъ или анархизмъ? **Постороннаго.**—Анархисты и женщина, **Г. Сорокоумова.**—Женщина и любовь, **К. О—на.** — Женщина будущаго, **А. Бебеля.** — Соціализмъ или клубничка? **Мистера Квачъ.**—Женщины, **В. Г. Тана.**—Дѣвушкѣ, **Александра Блока.** Письмо, **Кнута Гамсуна.** — У моря. Изъ поэмы **С. Пшибышевскаго.** — Проклятіе любви, **Д. С. Мережковскаго.**—Поцѣлуй, **Ю. Журавскаго.**—Блескъ красоты. (Изъ Ш. Бодлера). Пер. **П. Я.**

Иллюстраціи: Грѣшница. **Г. Семирадскаго.** — Купальщицы. **Неффа.** — Въ гротѣ. **Неффа.** — Вакханка. **Московскаго.** — Счастье. **Г. Семирадскаго.**

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Петроградъ, Кирочная улица д. 43-в, кв. 15.
Телефонъ 185-65.

Извѣстія о попыткахъ соціализаціи женщинъ обошли почти всѣ газеты, но прошли незамѣченными и, во всякомъ случаѣ, неосвѣщенными. Мы не допускаемъ мысли, что предлагаемая анархистами „соціализація“ можетъ быть осуществлена, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ нелишнимъ освѣтить этотъ вопросъ для того, чтобы незнакомые съ нимъ не получили превратнаго представленія о томъ, какъ разрѣшаетъ соціализмъ вопросъ о женщинахъ, какъ таковыхъ. Лучшій отвѣтъ, конечно, даетъ одинъ изъ виднѣйшихъ вождей соціализма Бебель, выдержку изъ книги котораго „Женщина и соціализмъ“ мы даемъ ниже *). Другія статьи имѣютъ цѣлью освѣтить этотъ вопросъ въ условіяхъ нашихъ дней. Кромѣ того, мы приводимъ нѣсколько образцовъ изящной литературы, чтобы показать, какъ далеки воззрѣнія поэтовъ на женщину отъ анархистскихъ попытокъ „освобожденія“ женщины. Для этой же цѣли помѣщаемъ нѣсколько иллюстрацій извѣстнѣйшихъ художниковъ. Сознаемъ, что все это сдѣлано нами недостаточно полно, но, къ сожалѣнію, въ условіяхъ нашего времени издательству приходится слишкомъ ограничить свои требованія.

„Декреты“ и „проекты“.

I.

Саратовскій декретъ о соціализаціи женщинъ 17—32-лѣтняго возраста.

Въ Саратовѣ, „въ согласіи съ постановленіемъ *кронштадтскаго* Совдепа и Кредепа“, расклеенъ, какъ сообщали газеты, такой декретъ:

„Съ 1 марта 1918 г. отмѣняется право частнаго владѣнія женщинами, достигшими возраста отъ 17—32 лѣтъ.

Дѣйствіе этого декрета не распространяется на замужнихъ женщинъ, имѣющихъ болѣе пяти человѣкъ дѣтей.

Всѣ женщины забеременѣвшія освобождаются отъ своихъ прямыхъ обязанностей на 4 мѣсяца.

Рождаемые младенцы, имѣющіе 1 мѣсяцъ возраста, отдаются въ пріютъ „Народныя Ясли“, гдѣ они воспитываются и получаютъ образованіе до 17-лѣтняго возраста за счетъ фонда народнаго поколѣнія“.

Можно ли вѣрить газетамъ? Не злая ли эта недостойная шутка? Не продуктъ ли это первоапрѣльскаго творчества?

Увы! До сихъ поръ не откуда ни офиціальнаго, ни неофиціальнаго опроверженія не было.

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“.

Такіе „декреты“, конечно, дискредитируютъ и ихъ авторовъ.

Но развѣ это можетъ испугать анархистовъ?

II.

Владимірскій проектъ соціализаціи женщинъ.

Опубликованный въ „Саратовскомъ Вѣстникѣ“ проектъ соціализаціи женщинъ, принятый мѣстной группой анархистовъ, былъ только первой ласточкой.

Такого же рода проектъ теперь напечатанъ въ офиціальныхъ „Извѣстіяхъ владимірскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“.

Проектъ этотъ раздѣленъ на 12 пунктовъ и въ немъ имѣется, между прочимъ, ссылка на то, что „совѣтская власть уже провела въ жизнь этотъ насущный вопросъ, какъ напримѣръ въ Лугѣ, Колпинѣ и т. д.“. Впрочемъ, ссылка—ложная.

„Всякой дѣвицѣ до 18-лѣтняго возраста обезпечивается мѣстнымъ комиссаріатомъ призрѣнія полная неприкосновенность личности.

Оскорбившій циничнымъ словомъ дѣвушку 18-лѣтняго возраста или посягнувшій изнасиловать ее, судится по всей строгости революціоннаго суда.

Изнасиловавшій дѣвицу до 18-лѣтняго возраста считается государст-

*) Бебель. Женщина и соціализмъ. 1905. Изд. „Луча“.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 28228 1964

245 161

веннымъ преступникомъ, ссылается на каторжныя работы на 20 лѣтъ, если онъ не женится на оскорбленной.

Оскорбленной обезчещенной дѣвицѣ предоставляется право не выйти замужъ, если она того не пожелаетъ.

Послѣ 18-лѣтняго возраста всякая дѣвица объявляется государственной собственностью.

Всякая дѣвица, достигшая 18-лѣтняго возраста и невышедшая замужъ, обязана подъ страхомъ строгаго взысканія и наказанія зарегистрироваться въ бюро „свободной любви“ при комиссаріатѣ призрѣнія.

Зарегистрированной въ бюро „свободной любви“ предоставляется право выбора мужчины въ возрастѣ отъ 19 до 50 л. себѣ въ сожители-супруги.

Примѣчаніе: 1) Согласіе мужчины на подобный выборъ необязательно. 2) Мужчина, на жену котораго падетъ выборъ, никакихъ претензій заявлять на такое посягательство права не имѣетъ.

Право выбора изъ числа дѣвицъ, достигшихъ 18-лѣтъ, предоставляется также и мужчинамъ.

Выбирать мужа или жену предоставляется желающимъ разъ въ мѣс.

Бюро „свободн. любви“ автономно.

Мужчинамъ въ возрастѣ отъ 19 до 50 лѣтъ предоставляется право выбора женщинъ, записавшихся въ бюро даже безъ согласія на то послѣднихъ, въ интересахъ государства.

Дѣти, произошедшія отъ такого рода сожительствъ, поступаютъ въ собственность республики“.

III.

Хвалынскій временный проэктъ соціализаціи женщинъ.

„Проектъ временныхъ правилъ о соціализаціи женщинъ по гор. Хвалынску и и уѣзду“, составленной нѣкоей Федоровой, напечатанъ въ „Изв.“ мѣстнаго с. р. и с. д.

Первые 4 пункта касаются охраны дѣвушекъ до 18 лѣтъ, но,—

5) Послѣ 18-лѣтняго возраста всякая дѣвица объявляется собственностью государства.

6) Всякая дѣвица, достигшая 18-ти лѣтъ, не вышедшая замужъ, обязана подъ страхомъ строгаго взысканія и наказанія, регистрироваться въ бюро „Свободной Любви“ при комиссаріатѣ призрѣнія.

7) Зарегистрированной въ бюро „Свободной Любви“ предоставляется право выбора мужчины изъ числа гражданъ, въ возрастѣ отъ 19 до 50 лѣтъ, себѣ въ сожители-супруги.

13) Дѣти, рожденныя отъ подобнаго сожительства, поступаютъ въ собственность республики.

Между владимирскимъ и хвалынскимъ проэктами, оказывается, много общаго.

Возможно, что авторъ хвалынскаго проэкта при составленіи его пользовался владимирскимъ проектомъ.

По крайней мѣрѣ, объ этомъ говоритъ одинаково предусматриваемое обоими проектами бюро „Свободной Любви“ и полное тождество текста, если судить по тѣмъ выдержкамъ, которыя приведены въ петроградскихъ газетахъ.

Очевидно, кто-то очень озабоченъ скорѣйшимъ проведеніемъ въ жизнь этихъ „проектовъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы уже не покончили со всѣми важнѣйшими вопросами политической жизни?...

Грѣшница. Съ карт. Г. Семирадскаго.

Соціализмъ или анархизмъ?

Самые отъявленные противники женщинъ не станутъ отрицать, что женщина вноситъ въ жизнь красоту не только сама, но еще и черезъ мужчину. Вліяніе женской граціи и красоты и, быть можетъ, еще въ большей степени, женской души на творчество мужчины въ области эстетики надо считать неоспоримымъ. Уже съ самыхъ древнихъ временъ женщина является вдохновительницей художниковъ, скульпторовъ, поэтовъ и даже холодныхъ философовъ. Или она вдохновляетъ ихъ творчество, или сама служитъ объектомъ этого творчества въ качествѣ модели, или, какъ тонкая цѣнительница искусства, является часто безпритязательнымъ, но также часто и вѣрнымъ критикомъ мужского творчества.

Тысячелѣтіями стѣсненная въ гражданскихъ правахъ, женщина долгіе годы не могла быть непосредственной двигательницей культуры. Но мы видимъ, что какъ только права женщины хоть сколько-нибудь расширялись, она тотчасъ же спѣшила использовать ихъ и являлась не только равноправной работницей въ обыденной жизни,—ею она всегда была,—но и занимала почетное мѣсто рядомъ съ мужчиной и въ поэзіи, и въ искусствѣ, и въ наукѣ, и въ политической жизни.

И какъ больно, что всѣ такія данныя приходится привести только для того, чтобы доказать азбучную истину, что и въ вопросахъ любви женщина должна быть равноправна, только равноправна,—ради Бога, не больше. Никакихъ «преимуществъ» и «привиллегій» женщинѣ и въ этомъ вопросѣ не нужно. А соціализація женщины въ томъ видѣ, въ какомъ это предлагаютъ анархистскіе проекты будетъ знаменовать собою вовсе не равноправіе женщины, а рабство ея, низведеніе ея до самаго пошлаго, грубаго, хотя и прикрытаго фиговымъ листкомъ освобожденія, рабства. Такіе проекты трактуютъ женщину только какъ самку и разсчитаны на самые грубые инстинкты. Подъ видомъ защиты и охраны любви проводится только паденіе, только собачья любовь...

Говоря это, мы возстаемъ только противъ «соціализаціи» женщинъ, какъ и возставали бы и противъ «соціализаціи» мужчинъ. Потому что такая соціализація была бы рабствомъ и для мужчины. Довольно рабства! Никакіе регламенты въ области мужско-женскихъ отношеній не должны быть допущены.

Но изъ этого не слѣдуетъ, что мы противъ охраны правъ материнства. Тамъ, гдѣ женщина является уже не только однимъ существомъ, но и носительницей еще не появившейся человѣческой жизни, она должна быть подъ исключительной защитой государства. И съ этой стороны всѣ требованія истиннаго соціализма, хотя бы въ томъ видѣ, какъ ихъ резюмируетъ одинъ изъ вождей соціализма—Бебель—должны быть проведены въ жизнь. Но какъ далеки по внутреннему своему содержанію истинно-соціалистическія требованія охраны материнства отъ тѣхъ грубыхъ положеній анархистско-огарочнаго творчества, которое приводится въ «декретахъ» и «проектахъ». И развѣ *право* на материнство имѣетъ хоть что-нибудь общаго съ тѣми *требованіями*, которыя выставляются «декретами» и которыя говорятъ уже не объ обязанностяхъ государства по отношенію къ женщинамъ, а объ обязанностяхъ женщинъ по отношенію — къ мужчинамъ?

Одно дѣло свободная любовь, другое дѣло огарочная любовь или любовь съ Невской панели. Огарочная любовь, какъ и проституція, никогда не будутъ признана соціализмомъ, какъ нормальное явленіе. Огарочная любовь и проституція — это ужасныя болѣзни стараго міра и противъ нихъ соціализмъ будетъ бороться всѣми своими силами.

Посторонній.

Анархисты и женщина.

Женскій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ до тѣхъ поръ, покуда къ нему будутъ прилагаться какія то спеціальныя мужскія или женскія мѣрки. Или женщина человѣкъ — и тогда ей принадлежатъ всѣ права и вся свобода въ устроеніи своей жизни, или она — низшее существо, и тогда ей необходимы опекуны, которые регулировали бы ея жизнь.

Тѣмъ болѣе удивительно, что въ настоящее время, когда вопросъ о полномъ женскомъ равноправіи, по крайней мѣрѣ, въ Россійской совѣтской республикѣ рѣшенъ безповоротно и когда, быть можетъ, вопросъ о материнствѣ и воспитаніи дѣтей требуетъ только частнаго разрѣшенія въ духѣ соціалистическаго законодательства, изъ разныхъ угловъ Россіи начинаютъ доноситься какіе то, въ полномъ смыслѣ этого слова, зловѣщіе проекты «соціализаціи» женщинъ, согласно которымъ женщина разсматривается не какъ обладающій всѣми правами гражданинъ, а какъ объектъ низшаго разряда, какъ вещь, на которую

кто-то можетъ простирать свои права, хуже того — свою похоть.

И еще удивительнѣе, что своего рода «законопроекты» и «декреты» издаются анархистами, которые уже по самому существу своему отрицаютъ законодательство и государственную опеку даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они необходимы.

Во всякомъ случаѣ, анархистскіе проекты соціализаціи женщинъ нельзя не признать симптоматичными—они являются признаками того, что революція въ той части ея, которая касается разрушенія сгнившихъ устоевъ стараго порядка жизни,— что въ этой части революція подходитъ къ концу. И какъ въ періодѣ ослабленія революціи 1905 г. стали появляться разнаго рода «огарки», такъ и теперь анархисты выдвинули свои сводническія идеи въ «декретахъ» и проектахъ.

Но если этимъ актомъ заканчивается періодъ разрушенія стараго міра, то будемъ надѣяться, что наступающее время принесетъ намъ дѣйствительную творческую работу, законы, регулирующіе жизнь на основахъ дѣйствительной соціалистической правды, основанной, прежде всего, на полной свободѣ всѣхъ гражданъ—и мужчинъ и женщинъ.

Наступающій періодъ русской революціи требуетъ особой осторожности. Народъ, измученный войной и разрухой, не знаетъ, кому онъ долженъ вѣрить и гдѣ ему искать спасенія. Учитывая такое настроеніе, анархисты въ самое послѣднее время стали «дѣйствовать». Само собой, что ничего созидающаго, реальнаго не можетъ предложить анархизмъ, вся сущность котораго сводится только къ разрушенію. Но проекты, вродѣ проектовъ соціализаціи женщины въ томъ видѣ, въ какомъ они преподносятся анархистами, могутъ привлечь къ нимъ тѣ малосознательные элементы, которые вообще не прочь не считаться съ правилами этики. Не даромъ же мы видимъ въ числѣ «анархистовъ»— отъявленныхъ преступниковъ. Тѣмъ болѣе необходимо выявить истинный смыслъ «творчества» анархистовъ, хотя бы даже только въ той жалкой долѣ, въ которой они могутъ свое «творчество» обнаружить.

Можно быть соціалистомъ или ярымъ противникомъ соціализма, можно вѣрить въ осуществленіе соціализма въ ближайніе дни или считать соціализмъ, несбыточной мечтой, утопіей, — но никто не смѣетъ говорить, что задачи соціализма, по идеѣ своей, не благородны. Однако, нѣтъ той великой и благороднѣйшей идеи, которую нельзя было бы довести до полнаго абсурда, которую нельзя было бы превратить въ пошлость.

Когда это дѣлаетъ противникъ, — это понятно. Но когда это дѣлаютъ анархисты, утверждающіе, что только они являются дѣйствительными носителями идей соціализма — это становится преступленіемъ.

И въ данномъ случаѣ совершенно безразлично, дѣлается ли это по чрезвычайному усердію, по злому умыслу или по невѣжеству.

Чрезвычайнымъ усердіемъ отличался и дуракъ въ извѣстной сказкѣ, злой умыселъ необходимо пресѣчь, а невѣжественные люди не должны занимать мѣста руководителей. Декреты о соціализаціи молодыхъ женщинъ служатъ яркой иллюстраціей того, какъ не нужно проводить соціалистическія идеи и какъ можно дискредитировать идею, хотя бы самую возвышенную или регулирующую повседневный порядокъ жизни, когда за претвореніе идей въ жизнь берутся Иванушки-дурачки, хотя бы они и громко именовали себя анархистами.

Г. Сорокоумовъ.

Русалки. Съ карт. К. Маковскаго.

Женщина и любовь.

Женская грація, женская красота и нѣкоторыя особенности женской души, принадлежатъ ли онѣ женщинамъ сильнаго класса или простой работницѣ, — всегда служили и еще многіе вѣка будутъ служить предметомъ преклоненія мужчины. Пусть изысканіями науки и опытомъ, женщина развѣнчивается,—мужчина—и поэтъ, и художникъ, и рабочій, и крестьянинъ — всегда будутъ передъ женщиной преклоняться. Надсонъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ:

Какъ хирургъ, довѣряющій только ножу,
Я лишь мысли одной довѣряю
И съ вопросомъ я къ самой любви подхожу
И пытливо ее разлагаю...

Но самый строгій анализъ ничего не стоитъ, если онъ окрашенъ нѣжными цвѣтами любви. И тутъ мы сталкиваемся съ вопросами, на которые ни одинъ физіологъ, ни одинъ соціологъ не могутъ дать отвѣта. Почему мы любимъ ту женщину, а не другую? На сторонѣ первой какъ будто-бы такъ мало качествъ, она, быть-можетъ, даже некрасива, а другая добра, умна, прекрасна, — и все-же насъ тянетъ къ первой, — почему? Мы не можемъ дать прямого, опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, да и вся исторія человѣчества не можетъ отвѣтить на него. И хирургическій ножъ даже въ рукахъ поэта не можетъ дать никакихъ результатовъ, потому что любовь — нѣчто неосязаемое, неуловимое, вѣчная загадка, которая, вѣроятно, несмотря ни на какія завоеванія науки, никогда человѣчествомъ не будетъ разгадана.

Одно только исторія знаетъ положительно: уже на зарѣ культуры женщина имѣла огромное вліяніе на мужчину и часто подчиняла его себѣ. И развѣ это не знаменательно, что по библейской легендѣ Ева первая вкусила отъ древа познанія и дала яблоко Адаму? Развѣ не находимъ мы въ той-же библіи разсказа о томъ, какъ Іаковъ служилъ дважды по семи лѣтъ, чтобы заслужить Лію? Развѣ не женщина вдохновляла всю древне-эллинскую культуру—поэтовъ, философовъ и ваятелей Греціи? И развѣ древніе греки и римляне, эти тонкіе цѣнители тѣла, не пытались разобраться въ женской душѣ, приписывая своимъ богинямъ тѣ или другія качества? Съ какой анархистской точкой зрѣнія подойдете вы къ захватывающей легендѣ о Пигмаліонѣ, создавшемъ высокое произведеніе искусства—Галатею и полюбившемъ твореніе рукъ своихъ, какъ живое существо? И сила пигмаліоновой любви была такъ велика, что Галатея ожила, сошла со своего пьедестала и отвѣтила художнику лобзаніемъ,—подъ какой декретъ о „бюро свободной любви“ подвели бы анархисты Галатею?

Начало христіанства. Материнская любовь Маріи. Согласилась ли бы Марія отдать младенца Іисуса въ государственный пріютъ, построенный россійскими анархистами?

Вспомните нѣжную любовь Данте и Беатриче, вспомните трогательную любовь Ромео и Джульеты,—неужели красоту такой любви можно будетъ получить въ сводническихъ бюро анархистовъ?

Соціализмъ, какъ одно изъ высшихъ достиженій человѣчества, вовсе не намѣренъ отказываться отъ красоты жизни, не можетъ, не долженъ свести любовь къ чисто физіологическому закону во имя продолженія рода человѣческаго. Соціализмъ стремится раскрѣпостить любовь, освободить человѣчества отъ любви по обязанности, по закону. Поскольку онъ стоитъ на практической почвѣ, онъ озабоченъ вопросомъ о лучшихъ условіяхъ для материнства, о нормальной жизни половъ. Но онъ никому никого не навязываетъ, не творитъ насилій ни надъ кѣмъ и не признаетъ никакого „владѣнія“ женщинами ни въ какомъ возрастѣ, потому что прежде всего онъ и въ женщинахъ и въ мужчинахъ видитъ свободныхъ гражданъ.

Только идеологи типа Вейнингера склонны видѣть въ женщинѣ низшее существо, долженствующее быть рабомъ мужчины, его вещью, служить его страстямъ. И въ этомъ отношеніи доморощенные россійскіе анархисты ушли недалеко отъ австрійскаго маніака Вейнингера, изъ „ученаго“ труда котораго буржуа всѣхъ странъ черпали матеріалы для доказательства того, что женщинѣ, какъ низшему существу, по самой природѣ своей играющему пассивную роль, не могутъ быть доставлены полныя гражданскія права... *К. О—нъ.*

Дѣвушки въ гротѣ. Съ карт. Неффа

Женщины будущаго.

Женщина въ новомъ обществѣ соціально и экономически совершенно независима, она не знаетъ надъ собой даже тѣни господства и эксплуатаціи, она стоитъ по отношенію къ мужчинѣ, какъ свободная, равная; она сама госпожа своей судьбы. Она воспитывается также, какъ мужчина, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отклоненій, которыя обусловливаются различіемъ пола и ея половыми функціями. Живя при естественныхъ жизненныхъ условіяхъ, она можетъ развивать свои физическія и духовныя силы и способности, согласно своимъ потребностямъ, она выбираетъ для своей дѣятельности такія области, которыя соотвѣтствуютъ ея желаніямъ, склонностямъ и задаткамъ, и при одинаковыхъ условіяхъ она дѣйствуетъ такъ же, какъ мужчина. Часть дня практическая работница въ какой-нибудь области, другую часть она проводитъ, какъ воспитательница, учительница, сидѣлка, въ теченіе третьей части она занимается искусствомъ или наукой и, наконецъ, въ теченіе остального времени она выполняетъ какую-нибудь административную функцію. Она занимается науками, работаетъ, пользуется удовольствіями и развлеченіями въ обществѣ другихъ женщинъ или мужчинъ, какъ это ей нравится и когда для этого ей представляется случай.

Въ выборѣ любимаго человѣка она, подобно мужчинѣ, свободна и независима. Она выбираетъ или ее выбираютъ, но, во всякомъ случаѣ, она заключаетъ союзъ не изъ какихъ другихъ соображеній, кромѣ своей склонности. Этотъ союзъ является частнымъ договоромъ безъ вмѣшательства должностнаго лица, подобно тому, какъ до среднихъ вѣковъ бракъ былъ частнымъ договоромъ. Соціализмъ здѣсь не создаетъ ничего новаго, онъ лишь снова подымаетъ на высшую культурную ступень и при новыхъ общественныхъ формахъ *то, что было общепризнано, пока въ обществѣ не наступило господство частной собственности.*

Человѣкъ, подъ условіемъ, что удовлетвореніе его потребностей не приноситъ никому другому никакого вреда, долженъ самъ распоряжаться собою. *Удовлетвореніе половой потребности—такое же личное дѣло каждаго человѣка, какъ удовлетвореніе всякой другой естественной потребности.* Никто не долженъ отдавать въ этомъ отчетъ другому, и не призванный не долженъ сюда вмѣшиваться. Какъ я ѣмъ, какъ я пью, какъ я сплю и какъ я одѣваюсь—мое личное дѣло, точно также, какъ мое общеніе съ лицомъ другого пола. Разумѣніе и образованіе, полная независимость личности, всѣ свойства, которыя, вслѣдствіе воспитанія и условій, будутъ болѣе естественны въ будущемъ обществѣ, охранятъ отъ поступковъ, приносящихъ ему вредъ. Мужчины и женщины будущаго общества обладаютъ въ гораздо большей степени самовоспитаніемъ и знаніемъ собственнаго существа, чѣмъ мужчины и женщины общества современнаго. Уже одинъ тотъ фактъ, что исчезнетъ глупый и смѣшной страхъ говорить о вещахъ, относящихся къ половой жизни, какъ о чемъ-то таинственномъ, сдѣлаетъ общеніе половъ гораздо естественнѣе, чѣмъ теперь. Если союзъ, заключенный между двумя людьми, становится невыносимымъ, приноситъ разочарованіе и даже отвращеніе другъ къ другу, то мораль требуетъ прекратить подобное соединеніе, ставшее неестественнымъ, а потому и безнравственнымъ. И такъ какъ исчезнутъ всѣ условія, которыя до сихъ поръ осуждали большое число женщинъ или къ безбрачію, или къ продажѣ своего тѣла, то мужчины не могутъ болѣе проявлять своего преобладанія. Съ другой стороны, совершенно измѣнившееся общественное состояніе устранитъ многія препятствія и замѣшательства, которыя нынѣ вліяютъ на супружескую жизнь и которыя такъ часто дѣлаютъ ее или совершенно невозможной, или не даютъ развернуться.

Препятствія, противорѣчія и противоестественности въ современномъ положеніи женщины все болѣе сознаются широкими кругами и находятъ себѣ живое выраженіе, какъ въ соціальной, такъ и въ беллетристической литературѣ, часто въ неудачной формѣ. Что современный бракъ все менѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію, не отрицаетъ болѣе ни одинъ мыслящій человѣкъ и потому нечего удивляться, что даже тѣ лица, которыя не могутъ быть достаточно послѣдовательными, чтобы стремиться къ измѣненію нашего современнаго общественнаго строя, находятъ все же естественнымъ свободный выборъ любви и свободное расторженіе возникшаго союза; они полагаютъ, что только привилегированнымъ классамъ слѣдуетъ дать свободу въ половомъ общеніи. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ Матильда Рейхгартъ-Штромбергъ въ своей полемикѣ противъ эмансипаторскихъ стремленій писательницы Фанни Левальдъ: «Если вы (Фанни Левальдъ) выставляете требованія полной равноправности женщины съ мужчиной въ соціальной и политической жизни, то и Жоржъ Зандъ должна необходимо быть права въ своихъ стремленіяхъ къ эмансипаціи, которая состоитъ лишь въ томъ, чѣмъ мужчина уже давно безспорно владѣетъ. *И, право нельзя найти никакого разумнаго основанія, почему въ этой*

Фортуна и нищій. Съ карт. Г. Семирадскаго.

равноправности можетъ принять участіе только голова, но не сердце женщины, почему и оно не должно быть свободно давать и брать, какъ сердце мужчины. Напротивъ, если женщина должна по своей природѣ имѣть право и даже быть обязанной—ибо мы не должны закапывать данный намъ талантъ — напрягать до крайнихъ предѣловъ волокна мозга для соперничества съ духовными титанами другого пола, то она должна имѣть также право, *подобно этимъ послѣднимъ, ускорять кровообращеніе сердца для сохраненія равновѣсія тѣла способомъ, какой ей кажется наиболѣе подходящимъ.* Безъ малѣйшаго нравственнаго возмущенія мы всѣ читаемъ, напримѣръ, о Гете—чтобы взять для примѣра величайшаго—какъ часто и многократно онъ расточалъ жаръ своего сердца и энтузіазмъ своей великой души то для той, то для другой женщины. Вдумчивый человѣкъ находитъ это только естественнымъ въ виду его великой и трудноудовлетворяемой души, и только ограниченный моралистъ относится къ этому съ осужденіемъ. Почему же вы смѣетесь надъ «великими душами» среди женщинъ?. Предположите, что весь женскій полъ состоитъ изъ жоржзандовскихъ великихъ душъ; каждая женщина пусть будетъ Люкреціей Флоріани, дѣти которой—всѣ дѣти любви—и всѣхъ этихъ дѣтей она воспитываетъ какъ съ истинно материнской любовью и самоотверженіемъ, такъ съ пониманіемъ и разсудкомъ. Что произошло бы тогда съ міромъ? *Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что міръ могъ бы при этомъ продолжать существовать и также прогрессировать, какъ нынѣ, и, быть можетъ, онъ чувствовалъ бы себя при этомъ особенно хорошо.*

Но почему такія требованія могутъ выставлять только «великія души»? Почему

этого не могутъ желать и другія, невеликія души? Если Гете и Жоржъ Зандъ—возьмемъ только этихъ двухъ изъ многихъ, которые поступали и поступаютъ подобно имъ—могли жить согласно склонностямъ своего сердца, если о любовныхъ дѣлахъ Гете опубликовываютъ цѣлыя библіотеки, которыя съ какимъ то благочестивымъ восторгомъ проглатываются его почитателями и почитательницами, почему тогда осуждать въ другихъ то, что будучи сдѣлано Гете или Жоржъ Зандъ, становится предметомъ экстаза и восторга?

Правда, осуществить свободный выборъ любви въ буржуазномъ обществѣ невозможно—къ этому ведетъ наше доказательство—но поставьте всѣхъ въ такія соціальныя условія, которыя нынѣ выпадаютъ на долю лишь матеріально и духовно избранныхъ, и всѣ тогда получатъ возможность подобной свободы. Въ „Жакѣ" Жоржъ Зандъ описываетъ мужа, который судитъ о нарушеніи супружеской вѣрности своей жены слѣдующимъ образомъ: „ни одно человѣческое существо не можетъ справиться съ любовью и никто не виноватъ, если онъ ее чувствуетъ или ее лишается. То, что принижаетъ женщину—это ложь; бракъ нарушается не въ тотъ часъ, когда она отдается своему возлюбленному, *но въ ту ночь, которую она затѣмъ проводитъ со своимъ мужемъ*". Жакъ чувствуетъ себя обязаннымъ въ виду такого воззрѣнія, очистить мѣсто своему сопернику (Борелю) и философствуетъ при этомъ такъ: „Борель, на моемъ мѣстѣ, спокойно избилъ бы свою жену и безъ краски стыда принялъ бы ее потомъ въ свои объятія, опозоренную его ударами и его поцѣлуями. Существуютъ мужчины, которые, не долго думая, по восточному обычаю убиваютъ свою невѣрную жену, такъ какъ они смотрятъ на нее, какъ на свою законную собственность. Другіе дерутся съ своимъ соперникомъ, убиваютъ или удаляютъ его и затѣмъ просятъ у жены, которую они по ихъ утвержденію любятъ, поцѣлуевъ и ласкъ, между тѣмъ какъ она или съ ужасомъ отшатывается, или въ отчаяніи сдается. Это обычный способъ дѣйствія супружеской любви, и мнѣ представляется, что любовь свиней менѣе низменна и менѣе груба, чѣмъ любовь подобныхъ людей" *). Брандесъ, по поводу цитированныхъ здѣсь выраженій, замѣчаетъ слѣдующее: „Эти истины, которыя нашему современному образованному міру кажутся элементарными, 50 лѣтъ тому назадъ были возмутительными софизмами". Но открыто признать себя сторонникомъ принциповъ Жоржъ Зандъ не осмѣливается и понынѣ „имущій и образованный міръ", хотя фактически онъ живетъ согласно съ ними. Какъ въ морали и религіи, такъ лицемѣритъ онъ и въ бракѣ.

То, что дѣлали Гете и Жоржъ Зандъ, дѣлаютъ нынѣ тысячи другихъ, которыхъ нельзя сравнить ни съ Гете, ни съ Зандъ,

*) Georg Brandes: Die Literatur des neuenzehnten Jahrhunderts. V. Band. Leipzig 1883.

и при этомъ отнюдь не теряютъ своего престижа въ обществѣ. Нужно только занимать видное мѣсто, и тогда образуется само собой. Несмотря на это, вольности Гете и Жоржъ Зандъ считаются съ точки зрѣнія буржуазной морали безнравственными, такъ какъ они нарушаютъ моральные законы, издаваемые обществомъ и стоятъ въ противорѣчіи съ природою нашего соціальнаго состоянія. Принудительный бракъ является для буржуазнаго общества бракомъ нормальнымъ, единственнымъ моральнымъ соединеніемъ половъ, всякое другое половое соединеніе—безнравственно. Буржуазный бракъ, какъ мы безспорно доказали, вытекаетъ изъ буржуазныхъ имущественныхъ отношеній. Стоя въ тѣснѣйшей связи съ частною собственностью и наслѣдственнымъ правомъ, онъ заключается для полученія „законныхъ дѣтей“, какъ наслѣдниковъ. И подъ давленіемъ общественныхъ условій, онъ навязывается и тѣмъ, которымъ нечего наслѣдовать; онъ становится общественнымъ правомъ, нарушеніе котораго государство наказываетъ, сажая на нѣкоторое время въ тюрьму мужчинъ и женщинъ, которые живутъ, нарушая супружескую вѣрность *).

Въ соціалистическомъ обществѣ нечего наслѣдовать, если не считать наслѣдствомъ домашней утвари и личнаго инвентаря, такъ что и съ этой точки зрѣнія современная форма брака отпадаетъ. Вмѣстѣ съ этимъ устраняется далѣе вопросъ о правѣ наслѣдованія, которое соціализму нѣтъ надобности отмѣнять. Разъ нѣтъ болѣе частной собственности, то не можетъ быть и права наслѣдованія.

Женщина, такимъ образомъ, *свободна*, и ея дѣти не урѣзываютъ ей этой свободы, они могутъ ей только увеличить радость жизни. Воспитательницы, подруги, подрастающая женская молодежь, помогаютъ ей въ тѣхъ случаяхъ, когда она нуждается въ помощи.

Возможно, что и въ будущемъ найдутся мужчины, которые, подобно А. Гумбольдту, скажутъ: „Я не созданъ, чтобы быть отцомъ семейства, кромѣ того, я считаю женитьбу грѣхомъ, произведеніе дѣтей — преступленіемъ“. Что-жъ изъ этого? Сила естественной потребности у другихъ позаботиться о равновѣсіи. Насъ не безпокоитъ ни вражда къ браку Гумбольдта, ни философскій пессимизмъ Шопенгауера, Майнлендера или фонъ-Гартнера, которые предполагали, что человѣчество „въ идеальномъ государствѣ“ придетъ къ самоуничтоженію. Мы держимся здѣсь того-же взгляда, какъ и Ф. Р. Ратцель, который совершенно справедливо пишетъ: „Человѣкъ не долженъ болѣе смотрѣть на себя, какъ на исключеніе изъ законовъ природы; пусть онъ начнетъ, наконецъ, отыскивать закономѣрное въ своихъ собственныхъ поступкахъ и мысляхъ и пусть онъ стремится вести свою жизнь, согласно законамъ природы. Онъ дойдетъ тогда до того, что совмѣстную жизнь съ себѣ подобными, т. е. семью и государство, станетъ устраивать не по положеніямъ прежнихъ столѣтій, но по разумнымъ принципамъ, согласно съ природою познанія. Политика, мораль, правовые принципы, которые все еще питаются изъ всевозможныхъ источниковъ, будутъ образованы исключительно согласно законамъ природы. Достойное человѣка существованіе, о которомъ мечтали цѣлыя тысячелѣтія, станетъ наконецъ истиной“ *).

Это время приближается *гигантскими шагами*. Человѣческое общество въ теченіе тысячелѣтій прошло всѣ фазы развитія, чтобы, въ концѣ-концовъ, придти туда, откуда оно вышло, къ коммунистической собственности и полному равенству и братству, но уже болѣе не только товарищей по роду, *но всѣхъ людей*. Таковъ совершаемый имъ великій прогрессъ. То, къ чему тщетно стремилось буржуазное общество и обо что оно разбивается и должно разбиться, установленіе свободы, равенства и братства всѣхъ людей, то осуществитъ соціализмъ. Буржуазное общество могло выставить лишь теорію; практика, какъ во многихъ другихъ вещахъ, и здѣсь противорѣчила его теоріямъ. Соціализмъ объединитъ теорію съ практикой.

Но, возвращаясь къ исходному пункту своего развитія, человѣчество дѣлаетъ это на безконечно высшей культурной ступени, чѣмъ та, изъ которой оно исходило. Первоначальное общество въ родѣ, въ кланѣ обладало общей собственностью, но только въ самой грубой формѣ и на неразвитой ступени. Путь развитія, который былъ пройденъ съ тѣхъ поръ, уничтожилъ общую собственность до небольшихъ незначительныхъ остатковъ, разбилъ роды и въ концѣ-концовъ раздѣлилъ на атомы все общество, но въ своихъ различныхъ фазахъ онъ мощно повысилъ производительныя силы общества и многосторон-

*) Д-ръ Шефле въ своемъ сочиненіи „Строеніе и жизнь соціальнаго тѣла“ говоритъ такъ: „Ослабленіе супружеской связи облегченіемъ развода, конечно, нежелательно; оно идетъ противъ нравственныхъ задачъ человѣческаго спариванья и было бы вреднымъ, какъ для сохраненія населенія, такъ и для воспитанія дѣтей“. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мы такіе взгляды считаемъ не только невѣрными, но готовы признать ихъ даже „безнравственными“. Тотъ-же Шефле признаетъ, что невозможно въ обществѣ, съ гораздо высшей культурой, чѣмъ современное, ввести или удержать учрежденія, *противорѣчащія его нравственнымъ понятіямъ*.

*) Цитировано у Гекеля въ „Естественной исторіи творенія“.

ность потребностей, изъ родовъ и племенъ создалъ націи и крупныя государства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, продлилъ состояніе, которое пришло въ самое рѣзкое противорѣчіе съ потребностями общества. Задача будущаго состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить это противорѣчіе, снова превративъ на самой широкой основѣ собственность и средства труда въ общую собственность.

Общество беретъ назадъ то, чѣмъ оно когда-то владѣло и что оно само создало. Оно дѣлаетъ возможнымъ для всѣхъ соотвѣтственно новосозданнымъ жизненнымъ условіямъ вести жизнь на *высшей* культурной ступени, т. е. *оно даетъ всѣмъ то, что при долѣ примитивныхъ условіяхъ могло быть лишь привилегіей отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ классовъ*. Теперь и женщина *снова* начинаетъ играть *активную роль*, которую она когда-то играла въ первобытномъ обществѣ, но уже не какъ госпожа, а какъ равноправная.

«Конецъ государственнаго развитія подобенъ началу человѣческаго бытія. Первоначальное равенство снова возвращается. Бытіе, основанное на материнствѣ, открываетъ и заключаетъ круговоротъ человѣческихъ вещей», пишетъ Бахофенъ въ своемъ сочиненіи «Материнское право», а Морганъ выражается такъ: «Съ наступленіемъ цивилизаціи ростъ богатства сдѣлался столь огромнымъ, его формы столь разнообразными, его примѣненіе столь обширнымъ и *его управленіе столь искуснымъ въ интересѣ собственниковъ, что по отношенію къ народу это богатство превратилось въ силу, съ которой не справиться*. Человѣческій духъ стоитъ безпомощно и испуганно передъ своимъ собственнымъ твореніемъ. Но придетъ время, когда человѣческій разумъ укрѣпится для господства надъ богатствомъ, когда онъ установитъ какъ отношенія государства къ защищаемой имъ собственности, такъ и границу правъ собственниковъ. *Интересы общества стоятъ абсолютно впереди интересовъ отдѣльныхъ лицъ, тѣ и другіе должны быть приведены въ справедливое и гармоническое отношеніе;* простая погоня за богатствомъ не является конечнымъ назначеніемъ человѣчества, но прогрессъ остается закономъ для будущаго, какъ онъ былъ закономъ для прошлаго. Время, протекшее съ начала цивилизаціи, представляетъ лишь небольшую частицу протекшаго времени жизни человѣчества и лишь небольшую частицу времени, которое ему еще предстоитъ прожить. *Разложеніе общества угрожающе стоитъ передъ нами, какъ конецъ историческаго пути, единственной цѣлью котораго было богатство; ибо подобный жизненный путь содержитъ элементы своего собственнаго разложенія.*

„Демократія въ управленіи, братство въ обществѣ, равенство въ правахъ, всеобщее воспитаніе освятятъ ближайшую высшую ступень общества, для которой постоянно работаютъ опытъ, разумъ и наука“.

„Она будетъ возрожденіемъ, но въ высшей формѣ свободы, равенства и братства стараго рода“.

Такимъ образомъ, люди съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, на основаніи своихъ научныхъ изслѣдованіи, приходятъ къ одинаковымъ результатамъ. Полная эмансипація женщины и ея равенство съ мужчиной являются одной изъ цѣлей нашего культурнаго развитія, осуществленію которой не можетъ воспрепятствовать никакая сила на землѣ. Но она возможна лишь на основѣ переворота, который уничтожаетъ господство человѣка надъ человѣкомъ, такимъ образомъ и капиталиста надъ рабочимъ. Только тогда человѣчество достигнетъ своего высшаго развитія. Тогда, наконецъ, придетъ «золотой вѣкъ», о которомъ люди мечтали цѣлыя тысячелѣтія. *Классовое господство навсегда достигло своего конца, а вмѣстѣ съ нимъ пришелъ конецъ и господству мужчины надъ женщиной.*

А. Бебель.

Гимнъ красотѣ.

Изъ Ш. Бодлера.

О, кто ты? Дочь небесъ, иль порожденье ада?..
Порочный и святой, загадоченъ твой взглядъ.
Онъ, какъ вино: въ немъ свѣтъ, въ немъ райская услада
И преступленья мрачный адъ.
Какъ вечеръ въ бурный день, ты вся благоухаешь.
Амфора дивная съ таинственнымъ питьемъ,
Лобзаньемъ ты дитя въ героя превращаешь
И мужа — дѣлаешь рабомъ.
Откуда ты? Со звѣздъ? Изъ бездны неразсвѣтной?
Какъ вѣрный песъ, бѣжитъ самъ Демонъ за тобой.
И радость, и печаль ты сѣешь безотвѣтной,
Равно безтрепетной рукой.
Въ твоей косѣ, какъ перлъ, блеститъ и Ужасъ блѣдный,
Съ восторгомъ грудь твою Убіиство обняло!
По трупамъ ты идешь съ усмѣшкою побѣдной,
Поднявши гордое чело.
Прельщенный мотылекъ, треща и обжигаясь,
Но сердцемъ веселясь, кружится надъ свѣчей;
Влюбленный, на груди прекрасной задыхаясь,
Въ объятьяхъ гробъ сжимаетъ свой.
О, что за дѣло мнѣ — эдема-ль чистой пери,
Сирены ль темной взоръ мой разумъ освѣтилъ,
Мнѣ къ Безконечному невѣдомыя двери,
Давно желанныя, открылъ!
Что мнѣ — отъ Бога ты, иль нѣтъ, когда ты — Дива
Со взглядомъ бархатнымъ, вся блескъ и ароматъ,
Съ кѣмъ эта ночь кругомъ глядитъ не такъ пугливо,
Мгновенья менѣе томятъ!..

П. Я.

Письмо.

(Изъ „Викторіи").

Кнута Гамсуна

«Милый Іоганнъ! Вы прочтете это письмо, когда меня ужъ не будетъ въ живыхъ. Все теперь представляется мнѣ такимъ страннымъ, я не стыжусь васъ больше и пишу вамъ, словно между нами ничего не произошло. Прежде, когда я вполнѣ принадлежала жизни, я страдала бы день и ночь, но не написала бы вамъ; но теперь я разстаюсь со свѣтомъ, и я ужъ не думаю такъ какъ раньше. Чужіе люди видѣли, какъ у меня пошла горломъ кровь, докторъ изслѣдовалъ меня и нашелъ, что у меня осталась только часть одного легкаго,—чего же мнѣ теперь стыдиться?

Я лежала на постели и думала о послѣднихъ словахъ, которыя я вамъ сказала. Это было въ лѣсу, вечеромъ. Тогда я не думала, что это будутъ мои послѣднія слова, иначе я простилась бы съ вами и поблагодарила васъ. Теперь я больше не увижу васъ, и я жалѣю, что не бросилась на колѣни передъ вами и не цѣловала вашихъ ногъ и земли, по которой вы ходили, и не показала вамъ, какъ безумно я васъ люблю. Я лежала здѣсь и думала, и мечтала вчера и сегодня о томъ, какъ я выздоровѣю, вернусь опять на родину, пойду въ лѣсъ и найду то мѣсто, гдѣ мы сидѣли, когда вы держали мои руки въ своихъ рукахъ; я легла бы на землю и посмотрѣла, не найду ли вашихъ слѣдовъ, и цѣловала бы траву вокругъ этого мѣста. Но я не могу теперь ѣхать домой, если мнѣ не станетъ хоть немного лучше, какъ мама надѣется.

Милый Іоганнъ! странно подумать, что мнѣ ничего другого не дано было совершить, какъ явиться на землю и любить васъ, а за тѣмъ сказать жизни «прости». Вы не представляете себѣ, какъ странно лежать здѣсь и ждать дня и часа смерти. Я удаляюсь шагъ за шагомъ отъ жизни, отъ людей на улицѣ и отъ шума экипажей; весны я, должно быть, никогда ужъ больше не увижу, а эти дома и улицы и деревья въ паркѣ будутъ продолжать свое существованіе и послѣ меня. Мнѣ позволили сегодня посидѣть немного на постели и смотрѣть въ окно. На углу два прохожихъ встрѣтились другъ съ другомъ, они поклонились, пожали другъ другу руки, смѣялись тому, что сказали, и мнѣ показалось такъ странно, что я, которая лежу и смотрю на нихъ, должна умереть. Я подумала: тѣ двое не знаютъ, что я лежу здѣсь и жду, когда настанетъ часъ моей смерти; но если бъ они и знали, они все равно поздоровались бы и говорили другъ съ другомъ, какъ теперь. Вчера ночью, когда вокругъ было темно, мое сердце перестало биться, и мнѣ казалось, что я уже слышу, какъ вѣчность шумитъ и приближается ко мнѣ. Но въ слѣдующее мгновеніе я опять вернулся къ сознанію откуда-то издалека и начала дышать. Это было какое-то необыкновенное, невыразимое чувство. Мама говоритъ, что я бредила о ручьѣ и водопадѣ, тамъ дома.

Великій Боже, вы должны знать, какъ я любила васъ, Іоганнъ. Я не показала вамъ этого, многое препятствовало мнѣ сдѣлать это, и прежде всего моя собственная натура. Папа тоже причинилъ самому себѣ много зла, а я вѣдь его дочь. Но теперь, когда я должна умереть, и все ужъ слишкомъ поздно, я пишу въ послѣдній разъ и говорю вамъ это. Я спрашиваю себя, зачѣмъ я это дѣлаю, вѣдь вамъ все это безразлично, тѣмъ болѣе, что въ живыхъ я не останусь, но мнѣ хочется до послѣдней минуты быть съ вами и не чувствовать себя такой покинутой, какъ раньше. Я представляю себѣ, какъ вы читаете это письмо. Мнѣ кажется, я вижу ваши плечи и руки, вижу всѣ ваши движенія. И мы ужъ не такъ далеки другъ отъ друга, думаю я. Я не могу послать за вами, я не имѣю но это права. Мама хотѣла послать за вами два дня тому назадъ, но я рѣшилась лучше написать вамъ. Мнѣ къ тому же хотѣлось, чтобы вы помнили меня такою, какою я была раньше, до болѣзни. Я помню, вы... (нѣсколько словъ зачеркнуто) ...мои глаза и брови, но и они теперь не такіе, какъ прежде. Изъ-за этого я тоже не хотѣла, чтобы вы пришли. Я прошу васъ не смотрѣть на меня, когда я буду лежать въ гробу. Я буду, вѣроятно, почти такой же, какъ при жизни, только немного блѣднѣе. на мнѣ будетъ желтое платье; но все же вы пожалѣете, если придете посмотрѣть на меня.

Сегодня я нѣсколько разъ принималась за это письмо, и все-таки мнѣ не удалось сказать и тысячной доли того, что я хотѣла сказать. Мнѣ такъ страшно умирать, я не хочу, я твердо надѣюсь на Бога, можетъ быть, мнѣ станетъ немного лучше, и я протяну хоть до весны. Тогда дни будутъ свѣтлые, а деревья покроются листвой. Если я выздоровѣю теперь, я никогда больше не причиню вамъ зла, Іоганнъ. Какъ я плакала, когда думала объ этомъ! Мнѣ хотѣлось бы выйти на улицу и приласкать каждый камушекъ, остановиться на каждой ступенькѣ и благодарить ее, и быть доброй ко всѣмъ. Все равно, какъ бы плохо не жила, лишь бы только жить. Я никогда ни на что не жаловалась бы, нѣтъ, я улыбалась бы тому, кто нападалъ бы на меня и билъ, и я благодарила и славила бы Бога, если-бъ

Онъ только позволилъ мнѣ жить. Моя жизнь прожита, мнѣ ничего не удалось совершить, и эта неудавшаяся жизнь должна теперь кончиться. Если-бъ вы знали, какъ мнѣ не хочется умирать, тогда вы, можетъ быть, сдѣлали бы что-нибудь, сдѣлали бы все, что только могли. Вы, конечно, ничего не можете сдѣлать; но я подумала, что если-бъ вы и весь міръ просили бы за меня и не хотѣли лишиться меня, Богъ даровалъ бы мнѣ жизнь. О, какъ я была бы тогда благодарна и никогда больше не дѣлала зла никому, улыбалась бы всему, что со мной не случилось, только бы мнѣ позволили жить.

Мама сидитъ и плачетъ. Она сидѣла такъ всю ночь и оплакивала меня. Мнѣ это пріятно, это смягчаетъ горечь разлуки. Сегодня мнѣ пришло въ голову: что сдѣлали бы вы, если-бъ я подошла къ вамъ когда-нибудь на улицѣ въ красивомъ платьѣ и не сказала вамъ ничего оскорбительнаго, а только дала вамъ розу, которую бы заранѣе купила. Но тутъ я сейчасъ же подумала, что никогда не сумѣю сдѣлать того, что хочу; вѣдь я никогда больше не буду здорова, я умру. Я часто плачу, лежу тихо и плачу горько и неудержимо; я не чувствую боли въ груди, если только не всхлипываю. Іоганнъ, милый, милый другъ, мой единственный возлюбленный на землѣ, придите и побудьте немного со мной, когда начнетъ темнѣть. Я не буду плакать, буду улыбаться такъ ласково, какъ только могу, отъ радости, что вы со мной.

Нѣтъ, куда дѣвалась моя гордость, мое мужество! Теперь я не дочь своего отца; это отъ того, что силы покинули меня. Я давно страдала, Іоганнъ, задолго до этихъ послѣднихъ дней. Я страдала, когда вы были за границей, а потомъ, когда вы пріѣхали сюда, въ городъ, весною, я страдала каждый день. Я никогда раньше не знала, какой безконечной можетъ казаться ночь. Я видѣла васъ въ это время два раза на улицѣ; одинъ разъ вы не замѣтили меня, вы прошли мимо меня по улицѣ и что-то напѣвали. Я надѣялась встрѣтить васъ у Сейеровъ, но вы не пришли. Я не заговорила бы съ вами и не подошла бы къ вамъ, но я была бы вамъ благодарна, если-бъ увидѣла васъ хоть издали. Но вы не пришли. Я подумала, можетъ быть, это изъ-за меня. Въ одиннадцать часовъ я начала танцовать; я больше не могла выносить ожиданія. Да, Іоганнъ, я любила васъ, любила только васъ всю свою жизнь. Викторія пишетъ эти слова, и Богъ читаетъ ихъ черезъ мое плечо.

А теперь я должна проститься съ вами, стало почти совсѣмъ темно, и я ничего не вижу. Прощайте, Іоганнъ, спасибо за каждый день. Когда я буду отлетать съ земли, я буду благодарить васъ до послѣдней минуты и твердить ваше имя во время всего пути. Будьте счастливы всю вашу жизнь и простите меня за все то зло, которое я вамъ причинила, и за то, что я не могу упасть къ вашимъ ногамъ и молить васъ о прощеніи. Я молю васъ теперь въ своемъ сердцѣ. Будьте счастливы, Іоганнъ, и прощайте навсегда. Еще разъ спасибо за каждый день, за каждый часъ. Я больше не могу.

Ваша Викторія.

Зажгли лампу, и мнѣ стало гораздо свѣтлѣе. Я лежала въ дремотѣ и снова была далеко-далеко отъ земли. Слава Богу, мнѣ не было такъ жутко, какъ раньше, я даже слышала музыку, а главное, не было темно. Я такъ благодарна. Но теперь у меня нѣтъ больше силъ писать. Прощайте, мой возлюбленный...

Проклятіе любви.

Съ усильемъ тяжкимъ и безплоднымъ
Я цѣпь любви хочу разбить.
О, если-бъ вновь мнѣ быть свободнымъ,
О, если-бъ могъ я не любить!
Душа полна стыда и страха,
Влачится въ прахѣ и крови.
Очисти душу мнѣ отъ праха,
Избавь, о, Боже, отъ любви!
Ужель непобѣдима жалость?
Напрасно Бога я молю:
Все безнадежнѣе усталость,
Все безконечнѣе люблю.
И нѣтъ свободы, нѣтъ прощенья.
Мы всѣ рабами рождены,
Мы всѣ на смерть, и на мученья,
И на любовь обречены.

Д. С. Мережковскій.

Купальщица. Съ карт. Неффи.

Изъ поэмы „У моря“.

Ст. Пшибышевскаго.

О, дай мнѣ руку твою!
И взгляни на меня!

Я видѣлъ всѣ чудеса и красоту этой земли. Во чревѣ вѣчности я видѣлъ огромное солнце, когда оно лило на обнаженную землю пламенную кровь огня, я пережилъ блаженство рая, меня согрѣвалъ блескъ, который исходилъ отъ королевской короны моей — отъ одного полюса земли къ другому, я строилъ пирамиды и разливалъ среди песковъ пустыни на тысячи миль воды, я видѣлъ зловѣщую красоту океана, когда онъ заливалъ землю потопомъ, и видѣлъ, какъ лопалась земля, какъ весь міръ былъ охваченъ пожаромъ.

Но что была для меня вся эта красота и могущество, когда твой взглядъ упадалъ на мою душу, пробуждалъ на небѣ волшебные цвѣты, что съ широко раскрытыми чашечками пьютъ небесную радугу — забвеніе!

О, взгляни на меня, какъ въ ту темную ночь, когда и земля и море слилось въ скорбномъ сумракѣ.

Мы молчали, но души наши сплелись въ объятьяхъ и грезили, грезили — о вѣчной тишинѣ, когда слышенъ звонъ звѣздныхъ лучей, словно гаснущихъ струнъ...

О безбрежномъ сіяньи, когда небо не касается земли, а безграничный и безтѣлесный взглядъ тонетъ въ міровомъ пространствѣ...

О заплѣсневѣломъ великолѣпіи предвѣчныхъ саркофаговъ, гдѣ блеститъ плѣсень праха тѣлъ королевскихъ...

О тихихъ моряхъ, что спятъ въ мертвомъ, зеркально-чистомъ сумракѣ...

О молчаливыхъ птицахъ, что беззвучно, съ вѣчно раскрытыми крыльями маячатъ въ безпросвѣтной дали...

О мертвыхъ городахъ, тихаго сумрака которыхъ не тревожатъ ни свѣтъ, ни мракъ, о городахъ безъ тѣни, что живутъ отблескомъ незримыхъ звѣздъ...

Такъ сидѣли мы въ тихомъ раздумьи и грезили въ снахъ не отъ міра сего, ибо нѣтъ красоты выше, чѣмъ грезить объ умершемъ великолѣпіи, окутанномъ предвѣчной паутиной,—о разъѣденныхъ ржавчиной королевскихъ коронахъ, о зеленомъ блескѣ заплѣсневѣлыхъ древностью воспоминаній.

Сидѣли мы, и въ сонномъ раздумьи долго блуждали твои очи, пока не проникъ въ мою душу свѣтъ твоихъ сонныхъ, красотой упоенныхъ очей...

Еще разъ взгляни ты такъ на меня!
И говори мнѣ!

Я слушалъ охотно, когда на террасѣ моего дворца въ лунную ночь какая-то чужая невольница серебряными колками срывала со струнъ цитры рыдающую пѣснь тоски,—темную пѣснь, какъ шумъ пальмъ въ одинокихъ оазисахъ, какъ плачъ стройныхъ кипарисовъ надъ провалившимися гробницами; съ шумомъ стальныхъ крыльевъ билось мое сердце, когда мои войска въ грозныхъ ритмахъ зурны и мѣдныхъ трубъ шли на войну. Долгими часами вслушивался я въ угрюмый говоръ морскихъ волнъ и душа моя дрожала тогда отъ смиренья и страха передъ голосомъ вѣчности...

Но что мнѣ всѣ эти звуки, все это упоеніе пѣснью и тоскою цитръ и арфъ, когда я слышу твой голосъ, когда онъ краснымъ свѣтомъ гаснущаго солнца прядетъ богатое великолѣпіе моихъ грезъ, а въ сны мои вплетаетъ горящій жаръ цвѣтовъ осеннихъ...

О, говори мнѣ!

По всѣмъ морямъ блуждалъ я, но не могъ найти твоей бѣлой, лунной отчизны... Столько странъ исходилъ я, но не могъ уловить твоего взгляда... Я слышалъ моря, слышалъ людей, но никогда не дрожалъ звукъ твоего голоса на струнахъ моего сердца...

Перстень-страданье.

Шелъ я по улицѣ, горемъ убитый.
Юность моя, какъ печальная ночь,
Блѣднымъ лучомъ упадала на плиты.
Гасла, плелась и шарахалась прочь.
Горькія думы—лохмотья печалей—
Нагло просили на чай, на ночлегъ,
И пропадали средь уличныхъ далей,
За вереницей зловонныхъ телѣгъ.
Господи Боже! Ужъ утро клубится.
Гдѣ, да и какъ эту ночь проживу?..
Узкія окна. За ними—дѣвица.
Тонкіе пальцы легли на канву.
Волосы пали на нѣжныя ткани—
Вѣрно, работала ночь напролетъ...
Щеки блѣдны отъ безсонныхъ мечтаній.
Ткани готовы. И голосъ поетъ:
„Что я сумѣла, когда полюбила?
„Бросила мать и ушла отъ отца...
„Вотъ я съ тобою, мой милый, мой милый...
„Перстень-Страданье намъ свяжетъ сердца.
„Что я могу для тебя, мой любимый?
„Я, сирота, предъ тобой не солгу.
„Какъ матушкѣ, все открой мнѣ, родимой:
„Перстень-Страданье тебѣ сотку.
„Вотъ я могу твоей алою кровью
„Нѣжность мою для тебя украшать...
„Вѣрностью женской, вѣчной любовью—
„Перстень-Страданье тебѣ соткать“...

Александръ Блокъ

Поцѣлуй.

Юрія Жулавскаго.

Она была у меня въ рукахъ, какъ птичка... Сравненіе не новое, которымъ часто злоупотребляютъ, но она была дѣйствительно, словно птичка, которая боится, но не улетаетъ. Не улетаетъ потому, что знаетъ, что даетъ счастье, что радостью и свѣтомъ и дивнымъ ароматомъ наполняетъ жизнь того, къ кому опустилась на плечо—мимолетно...

И нынче еще, хотя ея ужъ нѣтъ, я боюсь громко говорить объ этомъ, какъ боялся тогда проронить слово о своей любви, чтобы не спугнуть ее этимъ словомъ. За насъ говорили сентябрьскіе цвѣты, запоздало цвѣтущіе на лугахъ, и легкій вѣтерокъ, отряхавшій спѣлые плоды съ обильно усыпанныхъ ими деревьевъ, проносясь, благовонный, между нашими устами, передавалъ наши поцѣлуи, которые были чисты, потому что были взлелѣяны мечтой только, жгуче пламенны, потому что только взлелѣяны мечтой.

И наступилъ день, когда мы должны были разстаться...

Я стоялъ передъ нею, и тогда еще не смѣя сказать ей, что люблю ее, что она—мой свѣтъ, моя весна, мое счастье, мой рай. Но она знала, что хотѣлъ я ей сказать и знала, что я не говорю, потому лишь, что она—для меня святыня. И глаза у обоихъ насъ полны были слезъ.

Тогда она взяла мою руку и прежде, чѣмъ я могъ замѣтить, что она хочетъ сдѣлать, прижала ее къ губамъ и прошептала: „Благодарю тебя, что ты былъ такъ добръ ко мнѣ“...

Я упалъ передъ ней на колѣни, на моихъ устахъ я чувствовалъ ея руки, а потомъ — уста ея, сладкія, дѣвичьи уста, не знавшія поцѣлуя...

Я не встрѣчалъ ея послѣ этого никогда...

Но часто теперь, черезъ много-много лѣтъ, когда я закрою глаза, и усталыя мысли мои, истрепавшіяся въ житейской борьбѣ, унесутся въ болѣе чистыя сферы, я вижу ее вновь передъ собою: она является предо мною, какъ туманное видѣніе, какъ сонъ, какъ воспоминаніе о чемъ-то святомъ, въ лунномъ сіяніи или въ лучахъ разсвѣта, и вновь звучитъ ея голосъ: „Благодарю тебя, что ты былъ такъ добръ ко мнѣ“...

И изъ всѣхъ клятвъ и любовныхъ признаній, изъ всѣхъ нѣжныхъ и страстныхъ словъ, какія мнѣ пришлось слышать потомъ изъ столькихъ устъ, всего дороже мнѣ эти простыя, тихія слова; изъ всѣхъ поцѣлуевъ, какими я упивался потомъ, всего дороже мнѣ этотъ первый поцѣлуй, за которымъ никогда не послѣдовалъ второй...

Вакханка. Съ карт. Бруни.

Женщины.

Ужъ полночь минула. Осеннее небо.
Назойливымъ брызжетъ дождемъ.
А мы терпѣливо на поискахъ хлѣба
По улицамъ ходимъ и ждемъ.

Будь сыро, будь сухо, будь стужа иль слякоть.
Какъ только зажгутъ фонари,
Мы ходимъ съ улыбкой, хоть хочется плакать,
До утренней ходимъ зари.

Колеса грохочутъ, мелькаютъ копыта,
Звенитъ мостовая, дрожа.
Но сердце людское бездушнѣй гранита,
А злоба острѣе ножа.

Я жду молчаливо малѣйшаго знака,
А ноги давно ужъ болятъ.
Прохожимъ въ глаза я гляжу, какъ собака,
Чтобъ встрѣтить привѣтливый взглядъ.

Копыта мелькаютъ, колеса грохочутъ.
Холодная брызгаетъ грязь,
Ночные гуляки въ лицо мнѣ хохочутъ
И дальше проходятъ смѣясь.

Красиво-ль глядѣть вамъ на грязныя краски
Моихъ нарумяненныхъ щекъ?
Ихъ смыли ненастья дождливыя ласки,
Какъ слезъ непрерывный потокъ.

Пріятно ль вамъ видѣть при встрѣчѣ случайной
Лица молодого черты
Съ печатью продажи позорной и тайной
И съ чернымъ клеймомъ нищеты?

Пріятно?.. Такъ знайте: мой вѣкъ еще молодъ..
А опытъ мой горекъ и старъ.
Я съ дѣтства терпѣла побои и голодъ
И пьяный узнала угаръ.

И часто у Бога я смерти просила,
И вынесла много обидъ.
Зачѣмъ же не цѣнится женская сила,
А цѣнится дѣвичій стыдъ?..

Болятъ мои ноги, и въ тѣлѣ истома,
Мнѣ хочется плакать и ѣсть.
Порой по дорогѣ беретъ меня дрема,
Но знаю, нельзя мнѣ присѣсть.

Я-бъ стала молиться, да стыдно мнѣ Бога,
А ночь холодна, холодна.
И было бы лучше согрѣться немного,
Горячаго выпить вина...

Мы ходимъ, мы ищемъ, мы бродимъ, мы рыщемъ,
Какъ только зажгутъ фонари.
Пускай бы столица намъ стали кладбищемъ,
До утренней стали зари.

В. Г. Танъ.

Дѣвушкѣ.

Ты передъ нимъ, что стебель гибкій,
Онъ предъ тобой, что лютый звѣрь.
Не соблазняй его улыбкой.
Молчи, когда стучится въ дверь.

А если онъ ворвется силой,
За дверью стань и стереги:
Успѣешь—въ горницѣ немилой
Сухія стѣны подожги.

А если близокъ часъ позорный,
Ты повернись лицомъ къ углу,
Свяжи узломъ платокъ свой черный
И въ черный узелъ спрячь иглу.

И пусть игла твоя вонзится
Въ ладони грубыя, когда
Въ его рукахъ ты будешь биться,
Крича отъ боли и стыда...

И пусть въ угарѣ страсти грубой
Онъ не почуетъ, сгоряча,
Твои оттиснутые зубы
Глубокимъ шрамомъ вдоль плеча!

Александръ Блокъ.

Типографія „Герольдъ“, Петроградъ, 7 рота, д. 26.